

Только когда Сяо Чжигэ сжал его ладонь, Ань Чанцин почувствовал, как холод отступает от кончиков пальцев. Он поднял голову, намереваясь что-то сказать, но в этот момент раздался мягкий и звонкий голос:

— Слухи не врут! Чувства второго брата и ванфэй действительно столь глубоки, что остаётся лишь завидовать.

Вглядевшись в сторону, откуда доносился голос, они увидели статного юношу, шагающего по снегу. На нём было парадное деяние с четырёхкоготными драконами, а за ним следовала вереница евнухов и дворцовых служанок. Взгляд юноши на мгновение задержался на Ань Чанцине, после чего он громко рассмеялся:

— Не помешал ли я вам любоваться пейзажем?

Сяо Чжигэ слегка кивнул в знак приветствия:

— Старший брат.

Ань Чанцин вслед за ним поклонился и тоже произнёс:

— Старший брат.

Наследный принц Сяо Циань был весьма разговорчивым человеком. Казалось, он давным-давно привык к молчаливому и нелюдимому нраву Сяо Чжигэ, а потому легко поддерживал беседу сам с собой, время от времени выказывая заботу и Ань Чанцину.

Ань Чанцин знал о наследном принце немного — лишь то, что в будущем император Аньцин лишит его титула за пьяный проступок. И хотя Ань Чанцин не ведал подробностей того происшествия, было очевидно: этот человек вовсе не так чист и благороден, каким казался на первый взгляд. Иначе впоследствии, будучи уже лишённым прав на престол, он не смог бы объединиться с двумя великими генералами-великодержавниками и осадить Ецзин.

Насторожившись, Ань Чанцин не смел много говорить и лишь робости ради несмело поддакивал. Сяо Циань, некоторое время разыгрывавший спектакль одного актёра, посчитал это скучным, упомянул, что ему пора засвидетельствовать почтение императрице, и предложил побеседовать в другой день.

Группы разошлись: Ань Чанцин с Сяо Чжигэ направились к дворцовым воротам, а наследный принц со своей свитой устремился к дворцу Чаофэн.

Отойдя на приличное расстояние, Сяо Циань обернулся. В сумерках силуэты Сяо Чжигэ и Ань Чанцина уже слегка размылись. Отведя взгляд, Сяо Циань словно невзначай спросил:

— Как думаешь, второй брат просто разыгрывает представление или ему и впрямь приглянулся этот юноша?

Шедший рядом евнух, подбирая слова, ответил:

— Скорее всего, лишь разыгрывает... Говорят, в первую брачную ночь Бэйчжань-ван спал в кабинете...

Сяо Циань усмехнулся:

— Разве ты не слышал, о чём перешёптываются на улицах? Мой холодный и беспощадный

второй брат ехал на одном коне со своей ванфэй прямо посреди улицы... Нынче повсюду ходят книжонки с их историей, а сказители даже сложили сказы. Какая гармоничная и любящая пара...

Евнух заколебался, не в силах угадать мысли господина, и лишь сказал:

— Выходит... Бэйчжань-ван и впрямь пленился этим побочным сыном?

Улыбка мгновенно исчезла с лица Сяо Цианя. Он бесстрастно бросил на него взгляд:

— Ты хоть раз видел второго брата в таком состоянии? Раньше об их знакомстве слышно не было, неужели за пару дней можно проникнуться такой глубокой страстью?

На лбу евнуха выступил холодный пот, он не знал, что ответить.

К счастью, Сяо Циань и не ждал ответа. Заложив руки за спину, он неспешно шагал по каменным плиткам. Его тихий голос прозвучал пронизывающим до костей холодом:

— Впрочем, с такой внешностью этого побочного сына нешто удивительно, что второй брат воспылил чувствами? Будь я на его месте... тоже не захотел бы оставлять такую красоту в стороне...

Евнух ахнул от испуга:

— Ваше Высочество!

Сяо Циань оглянулся и предостерегающе произнёс:

— Я знаю меру. Матушке-императрице об этом докладывать не нужно.

Евнух упёрся лбом в рукав, вытирая пот:

— Слушаюсь.

Выйдя за дворцовые ворота, они снова сели в экипаж и отправились в поместье.

В карете горела жаровня. Ань Чанцину стало слишком жарко, и он снял лисью накидку. Однако спустя пару мгновений руки снова зазябли. Поводя глазами, он посмотрел на сидящего рядом Сяо Чжигэ, незаметно подвинулся ближе и, просунув ладонь в его широкую ладонь, пробормотал:

— Немного холодно.

Услышав это, Сяо Чжигэ согрел его руку в своей.

Ань Чанцин тайком улыбнулся и прижался к нему плечом:

— Князь, как вы думаете, я хорошо сегодня себя повёл?

Сяо Чжигэ косо взглянул на него:

— Очень хорошо.

Ань Чанцин про себя поджал губы, думая, почему этот человек не может сказать хоть пару приятных слов. Столько усилий было приложено, а он даже не похвалил толком.

— А что именно было хорошо? — намеренно спросил Ань Чанцин, хлопая ресницами.

Сяо Чжигэ и впрямь замялся на мгновение, после чего произнёс:

— Всё было хорошо.

Настолько хорошо, что, слыша те слова, он едва удержался, чтобы не поверить в их искренность.

От автора:

Трусишка: Но-но всем хорош, вот только меня не любит... (хмурится в одиночестве).

Ань Чанцин с досадой подумал, что этот мужчина всё больше похож на заколоченный кувшин: пока не пнёшь — и слова не вытянешь. Если не задавать вопросов, он так и промолчит всю дорогу. Если бы в прошлой жизни он хоть немного больше говорил, они бы не пришли к такому исходу.

Ну как на свете может быть такой нерасторопный человек? Столько всего сделал, а сказать ничего не умеет!

Мысленно вздохнув, Ань Чанцин тайком взглянул на снова замолчавшего мужчину и решил, что так дело не пойдёт. Немного подумав, он быстро придумал план. Напустив на себя обиженный вид, он с жалостливым видом посмотрел на Сяо Чжигэ:

— Князю не нужно отделяться от меня отговорками. Если считаете, что я справился плохо, скажите прямо.

— Я не отделяюсь... — Сяо Чжигэ не ожидал, что из-за одной-единственной фразы сидящий рядом юноша так расстроится. Его ванфэй отвернулся, половина лица скрылась в тени, а на свету осталась лишь вторая половина с печально опущенными ресницами — словно поникшая бабочка. — Ты всё сделал отлично. Вдовствующая императрица и императрица поверили.

— А вы? — Ань Чанцин резко повернулся к нему. В его тёмных сияющих глазах вспыхнул огонёк. — Вы верите?

Сяо Чжигэ встретился с ним взглядом, и сердце его смягчилось. Он поднял руку и заправил выбивавшуюся прядь ему за ухо:

— Верю.

Даже если это была лишь показная угодливость — если он это произнёс, Сяо Чжигэ поверит.

Глаза Ань Чанцина вспыхнули ещё ярче. Он ласково потёрся о его ладонь и с воодушевлением произнёс:

— Тогда слова, сказанные князем... я тоже приму всерьёз. О том, что... не будете брать наложниц и заводить детей с другими женщинами.

— Угу.

Сяо Чжигэ не был из тех, кто легко даёт обещания, но раз уж сказал — непременно исполнит.

Ань Чанцин почувствовал небывалую радость. Сердце колотилось в груди, кровь в жилах бурлила, побуждая к действию. Ему пришлось изо всех сил сжать челюсти, чтобы сдержать захлестнувшую его волну счастья. Но даже так его глаза сияли ярче самых прекрасных звёзд, какие Сяо Чжигэ когда-либо видел.

— В этой жизни будем только мы вдвоём, — не удержавшись, Ань Чанцин обнял его и уткнулся лицом в шею. Из-за избытка чувств его глаза увлажнились. Смутившись, он спрятал лицо на шее Сяо Чжигэ и твёрдо прошептал ему на ухо: — Я всегда буду с вами.

Он больше не оставит его одного восходить на холодный трон. На этот раз он будет рядом.

Будет ли его имя прославлено в веках или же проклято потомками — пока Сяо Чжигэ не разжмёт рук, Ань Чанцин будет идти с ним до конца.

Сяо Чжигэ на мгновение замер. В его памяти вдруг всплыл детский голос, говоривший: «В будущем я буду с тобой».

Тихо хмыкнув, Сяо Чжигэ, совсем как много лет назад, сипло отозвался:

— Хорошо.

Однако в тот же миг в его голове пронеслись донесения лазутчиков из семьи Ань:

«Третий молодой господин очень близок с двоюродным братом из семьи Ли...»

«Двоюродный брат прислал третьему молодому господину стихи...»

«Двоюродный брат прислал третьему молодому господину картину...»

«Двоюродный брат уезжает в родной край обручиться. Перед отъездом он подарил третьему молодому господину нефритовый кулон, и третий молодой господин принял подарок. Похоже, он расстроен...»

Взгляд Сяо Чжигэ скользнул к поясу Ань Чанцина, где висел нефритовый кулон «Двойная рыба», с которым тот никогда не расставался. Глаза князя потемнели, но он лишь крепче сжал юношу в объятиях. Кого бы тот ни хранил в своём сердце, отныне он принадлежит только ему.

Он просил так мало — лишь капли этой призрачной нежности, от которой не мог отказаться. С юных лет и доныне он, подобно мотыльку, летящему на огонь, невольно стремился к этому свету.

И вот теперь этот человек наконец в его объятиях. Он сам сказал, что проведёт с ним всю жизнь.

Даже зная, что это лишь льстивые речи, даже зная, что тот вскоре всё забудет — он больше не выпустит его из рук.

Когда они вернулись в поместье князя, уже стемнело.

Ань Чанцин высвободил руку из тёплой ладони Сяо Чжигэ и нехотя накинуд прогретую лисью

накидку. Однако он недооценил ночной холод и, выходя из экипажа, всё же вздрогнул. А вот Сяо Чжигэ, одетый в едва защищавшие от ветра парадные княжеские одеяния, стоял на ледяном ветру словно ни в чём не бывало.

Бросив на него завистливый взгляд, Ань Чанцин проказливо приложил ледяные пальцы к его шее. Сяо Чжигэ ожидаемо замер, а затем с лёгкой беспомощностью опустил его руку и сжал в своей:

— Не балуйся, на улице холодно.

Ань Чанцин надул губы, позволив вести себя внутрь поместья.

<http://bllate.org/book/18381/1767619>